

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

17 мая 2012 г.

Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Д. А. ГРАНИН	соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП
Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	вице-президент РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

С. Р. Абрамов¹

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОБРАЗЕЦ И РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

1. *Введение.* Эпоха падения Римской империи была не только смутным временем столкновения народов, крушения привычных укладов и переоценки ценностей, как свидетельствовали многочисленные современные и последующие писатели. В области теоретической мысли раннего христианства наблюдаем плодотворный синтез идей, восходящих к прежде автономным культурным традициям. Ведь вся идеология христианства, а именно его наука, искусство и культура, осознавала и утверждала свой вселенский («кафолический») характер, а значит, приветствовала взаимодействие и взаимное обогащение различных культурных традиций. Этот своеобразный «диалог культур» (если использовать современную метафору) и породил раннехристианский культурный синтез, воплотившийся в феномене христианской цивилизации.

Почва для этого синтеза была подготовлена самим существованием многонациональной и поликультурной Римской империи, но возможным он стал лишь с появлением христианской духовности, отринувшей предрассудки, замкнутость и ограниченность предшествующих традиций. Когда Павел утверждал, что отныне «нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11)², он

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиции», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Русский синодальный перевод]. (Названия книг Библии при цитировании даны в общепринятых сокращениях.)

тем самым отвергал частные приоритеты и греческой, и еврейской культурных традиций, их категориальный аппарат³.

Раннехристианский культурный синтез носил универсальный, всеобъемлющий характер, он охватил все слои общества и всю духовную сферу. Проявился он не только в господствующей идеологии и учении церкви, но и в различных еретических доктринах⁴. Чрезвычайно плодотворно этот культурный синтез сказался и на герменевтике — науке, возросшей на почве богословия, философии, филологии.

2. *Новый Завет — концептуальный источник христианской герменевтической традиции.* Раннехристианская герменевтика творчески усвоила достижения греческой и иудейской традиций, отвергнув их культурно-историческую и методологическую ограниченность: новозаветная герменевтика «не была грече-

³ Известно, что как у греков (то есть в античном сознании вообще), так и у евреев существовала бинарная оппозиция, делившая мир на «своих», положительно отмеченных, и «чужих», отмеченных отрицательно, — на эллинов и варваров у первых и на верных (иудеев) и неверных (язычников) у вторых. Обе эти парадигмы отвергаются ап. Павлом ради христианской (понимаемой как универсальная и всечеловеческая), в которой снимаются и все прочие оппозиции: расовые, национальные, имущественные, сословные и т. п. Когда «апостол говорил, что призван возвещать свою веру “не в мудрости слова” (οὐκ ἐν σοφίᾳ λόγου) (1 Кор. 1: 17), он в четырех словах отказывался сразу и от философии, и от риторики как единой системы античного “витийства”» (Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 240).

⁴ К примеру, манихейство недвусмысленно представляло собой синтез античных идей и ориентальных религий, в частности зороастризма. Как ортодоксальное учение эпохи раннего христианства, так и многочисленные ереси детально исследованы. Малоизученным в науке, однако, остается вопрос об удельном весе различных духовных традиций в этой области.

скою, но она не хотела быть и еврейскою; ее содержание было универсально»¹. Она эсхатологически устремлена к пониманию конечного смысла бытия, стремясь сделать само бытие осмысленным. Если в раннехристианских писаниях («Дидахе», «Послание Варнавы» и т. п.), толкующих Ветхий Завет в духе пророчеств о Мессии и ищущих в нем указаний на Христа, герменевтика носит вполне прикладной характер, то уже у ранних христианских апологетов Иустина Мученика (ок. 130–200) и особенно Тертуллиана (ок. 160–225) отчетливо сформулированы принципы новой герменевтической традиции. Будучи прекрасно образованными людьми, сформировавшимися в эллинистической культуре, эти авторы знали трактат Аристотеля «*Peri hermēneias*» («Об истолковании») и в своих трудах пользовались его положениями. В то же время, занимаясь преимущественно библейской проблематикой, христианские апологеты пользовались и еврейским наследием, в частности техникой сравнительно-сопоставительного анализа библейских текстов, *аналогией* и *апликацией*².

Своеобразие христианской герменевтики определялось новаторской *теорией Логоса*, а также изощренной *типологией* и *аллегорией*, играющими в новозаветной герменевтике конституирующую роль. Уже в самом тексте Нового Завета заложено основание новой герменевтики. Две фигуры его гениальных авторов, апостолов Иоанна и Павла, стоят у истоков этой герменевтической революции. Обе фигуры символизируют разрыв как с античной, так и с иудейской системами ценностей, а значит, и с их научными парадигмами.

Апостол и евангелист Иоанн сознательно оформил свой радикальный разрыв с ветхозаветной иудейской традицией смелым использованием «языческого» философского термина «*λόγος*», которому он придал совершенно иное значение, отличное от Гераклитова понимания Логоса, и от Филонова³, и от гностического. В тексте Нового Завета слово «*λόγος*» употребляется не один раз в обычном, нетерминологическом смысле. И лишь у Иоанна оно обретает особое значение и употребляется в совершенно ином контексте, отличным от античного философского дискурса, — это контекст ближневосточной словесности, в котором *λόγος* Иоанна включил и всю полноту семантики иудейской

«Мемры»⁴. Иоанн сознательно оформляет свой разрыв с ветхозаветной традицией, используя нарочито «языческий» термин, пусть и в ином значении. Он, безусловно, отдавал себе отчет в том, что сам термин «*λόγος*» «заряжен» коннотациями, тем не менее решился на использование его для обозначения второго лица Троицы, Богочеловека Иисуса Христа. Так, на мгновение, казалось, соединились две герменевтические традиции — античная и иудейская, но на этот раз не для механического синтеза, подобного Филонову, а для медленной аннигиляции, породившей качественно новое явление.

3. *Концепция Логоса в Евангелии от Иоанна*. Терминологически Логос Евангелия от Иоанна — вовсе не «языческий» термин с расширенным содержанием и отнюдь не только лишь греческий эквивалент ветхозаветного еврейского термина: это знак новой герменевтической (и шире — духовной) традиции, решительно отделившей себя как от античной, так и от ветхозаветной или гностической традиции. В этом термине заключена вся суть нового теоретического мышления, квинтэссенция всей новозаветной мысли: идея боговоплощения и вочеловечения Христа и утверждение доктрины Богочеловечества. Чтобы оценить всю глубину и неожиданность семантического сдвига, вызванного Евангелием от Иоанна в теории Логоса, следует представить себе эволюцию этого термина в античной герменевтической традиции.

В греческом языке начала христианской эры слово «*λόγος*» имеет следующие значения: 1) дело, действие; 2) разум, разумное основание; 3) смысл, понятие, идея; 4) учение (философское); 5) договор, условие; 6) весть, известие; 7) книга, рассказ (писанный); 8) слово, реченье, изречение (устное). Сама семантическая структура этого слова позволяет евангелисту Иоанну утвердить ряд фундаментальных герменевтических положений: слово Божие видится ему не как отвлеченная идея (что свойственно греческой философии), а как живое, действующее основание всего сущего, всего бытия, первопричина космоса и человека, как смысл существования мира (природного, индивидуально-личностного и общественно-исторического), конкретное воплощение истины и символ ее, наконец, как символ самого Нового Завета (то есть договора) между Богом и человеком, осуществленного через соединение двух видов природы во Христе-Богочеловеке, как кериigma⁵ (блага

¹ Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С. 403.

² Термин «аналогия» восходит к логике, где означает сходство связей и отношений; «вариантом аналогии может быть *апликация*, наложение, чрезвычайно характерное для развертывания событийной цепи, играющей особенную роль в криминалистике, когда одно событие накладывается на другое, а участниками вдруг оказываются одни и те же лица. В словесности апликация может быть свойственна, например, большим отрывкам текста, то есть проявляться композиционно, передаваться параллельным изложением событий или изложением события разными лицами, автором и персонажами», — отмечает Н. О. Гучинская (*Гучинская Н. О. Универсалии филологической герменевтики // Понимание и рефлексия: материалы III Тверской герменевтической конф. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 18*). Евангелия в целом дают прекрасный пример апликации, да и весь Новый Завет представляет собой апликацию Ветхого Завета.

³ Подробно о понимании Логоса Филоном см.: Абрамов С. Р. Казус Филона Александрийского: опыт встречи иудейской и эллинистической духовных традиций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 302–305.

⁴ В иудейской традиции для обозначения божественного и животворящего слова использовался специальный технический термин «*плетга*», передаваемый в «Септуагинте» словом «*λόγος*».

⁵ Кериigma (*греч. kerigma* — «заявление, объявление, весть, проповедь») — проповедь христианской вести о спасительной миссии Иисуса Христа. В Новом Завете кериigma может относиться к самому событию проповеди и к ее содержанию. В противоположность дидахе — учению, которое излагает откровение христианства концептуально и логически в доктринах, суждениях и богословских мнениях, значение кериigma определяется общественной проповедью и непосредственным воздействием спасительного события на человека. «В научной литературе о Новом Завете термином “кериigma” — вслед за новозаветным употреблением — обозначается устная проповедь об Иисусе как Мессии и Спасителе, предшествовавшая созданию первых письменных текстов, вошедших со временем в канон Нового Завета. Содержанием кериigma первохристианских общин было то Евангелие, которое Павел “напоминает” коринфянам, — весть о смерти и воскресении Иисуса как о спасительном событии (ср.: 1 Кор. 15:

спасительная весть), раскрывающаяся в тексте Евангелия от Иоанна. И так, здесь задана отправной точкой всех дальнейших герменевтических построений целая парадигма смысловых отношений, которая и разворачивается как в самом евангельском повествовании, так и в истории его толкования. Мы тотчас же обнаруживаем отсутствие ряда важнейших значений в семантической структуре лексем, передающих понятие логоса в современных европейских языках. Так, и в английском “word”, и в немецком “Wort”, и в русском «слово» утрачена основная для герменевтики Иоанна идея о *промыслительном*, то есть активном, деятельностном, творческом характере Логоса; не имплицировано значение слова-логоса как духовной первоосновы универсума. В то же время в семантике английского слова, в отличие от русского эквивалента, сохраняется идея вести (известия) и соглашения, договора (Завета).

Ключевое значение слова «λόγος» подчеркнуто у Иоанна его троекратным употреблением в сильной позиции начального предложения текста Евангелия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Более того, сам первый стих первой главы построен как анафорический контрапункт первому стиху первой главы ветхозаветной книги Бытия (то есть как параллель начальным словам всего древнееврейского библейского канона): «В начале сотворил Бог небо и землю...»¹ Таким образом, выстраивается многозначительная параллель: начало Ветхого Завета, то есть, по существу, всей иудейской Библии, совпадает с началом Нового Завета, христианского сакрального канона. Когда Иоанн писал свой текст, библейский христианский канон еще не сложился, других, так называемых синоптических евангелий (от Матфея, Марка и Луки) еще не существовало, среди разрозненных христианских общин той поры имели хождение многочисленные писания (аутентичность которых изначально подвергалась сомнению), и потому Евангелие от Иоанна выступало в функции самодостаточного и целостного текста христианской керигмы.

4. *Ранние памятники христианской герменевтики.* Существенно, что ранние христианские герменевты перешли к более глубокому уровню толкования Ветхого Завета, по-видимому, вследствие того, что им приходилось выстраивать новую традицию в постоянной борьбе с язычеством, иудаизмом и христианскими ересями. Многими достижениями герменевтика обязана и особенностям христианского духа, противостоящего античному не только в сфере мысли, но и в сфере чувств. Толкования Иустина Мученика заметно отличаются от грубоватых аллегорий Варнавы: у последнего декларация веры не предшествует филологическому анализу, а скорее сами вероисповедные принципы выводятся из толкования текста. Тертуллиану и Иринею Лионскому, высокообразованным ученым, приходилось спорить не только с традиционной иудейской герменевтикой, но и с христианскими ересями,

3–5)» (Лёзов С. В. Введение // Канонические Евангелия. М., 1992. С. 8).

¹ Инициальная позиция сакрального текста была столь значима, что сами книги традиционно назывались по их первым словам: так, книга Бытия называется у евреев «Берешит» — собственно «В начале».

в частности с учением Маркиона, основателя доктрины, которая полностью отвергала Ветхий Завет². Иринею Лионский выступил с резкой критикой гностического дуализма и в защиту единства обоих заветов. Он утверждал, что Мессия (Христос) был предсказан в Ветхом Завете, что обетование Бога о спасении Авраама касается всех людей, то есть вслед за апостолом Павлом толковал Ветхий Завет с позиций универсализма, всечеловечества (всеединства), всеобщности христианства. Тертуллиан перенес спор с Маркионом из сферы идейной в область чисто филологическую: он подверг справедливой критике буквалистский подход Маркиона и противопоставил ему подход спиритуалистический; так, например, он обосновывал метафорический характер некоторых перикоп Священного Писания: он утверждал, что, хотя Библия пользуется языком человеческим во всей его чувственной полноте, это отнюдь не означает антропоморфизм Бога³: у Него нет «десницы», «пят», и Он неподвластен страстям и впечатлениям, а значит, следовал вывод, язык Библии не следует понимать буквально.

Раннехристианская ортодоксальная герменевтика исходит из пресуппозиции, что видимый мир в целом и любая его малейшая часть суть творения того же Бога, который даровал заповеди Ветхого и Нового Заветов: законы природы и законы морали имеют, таким образом, единый источник, и почему бы природе не посягать собою мораль? (Ср.: 1 Кор. 1: 19–32.) Предшественником христианских мыслителей в такой постановке вопроса был Филон Александрийский, говоривший о гармонии «космоса» и «номоса».

Имеются также основания полагать, что авторы раннего ядра Нового Завета либо непосредственно были знакомы с кумранской литературой, либо их связывала близкая традиция. Как нам известно, новозаветные авторы пользовались тем же методом герменевтики, что и авторы кумранских произведений. Но наряду с замечательными совпадениями следует отметить и не менее разительные различия. Так, во-первых, новозаветная литература вполне оригинальна и самостоятельна по отношению к кумранской: создавая свои специфические литературные формы — послания, евангелия, она не заимствовала и не использовала формы и жанры кумранской литературы. Не найдем мы в Новом Завете и ничего сходного с формой кумранских толкований — так называемых «пешарим». Во-вторых, новозаветная герменевтика критически позиционирована по отношению к иудейской вообще и кумранской в частности. Как отмечает исследователь кумранских свитков, «в новозаветных текстах можно даже обнаружить следы антикумранской полемики по вопросу об эзотеризме и миссионерской

² Маркион, в частности, полагал, что творец видимого мира — жестокий тиран; такой бог не мог быть богом Иисуса Христа. Следовательно, по Маркиону, Иисус был сыном иного бога, творца невидимого мира, и сам принадлежал миру невидимому и лишь принял облик человека (но не был рожден, так как это предполагало бы связанность с миром видимых вещей, то есть с миром злого бога), а затем умер, чтобы спасти человечество от зависимости от злого божества.

³ Уже в ранней церкви понимали трансцендентность Бога как отрицание антропо- и зооморфизма (столь типичных для языческого представления о божестве).

деятельности»; «ряд мест Нового Завета, где утверждается христианская мораль всеобщей любви, производит впечатление специальной полемики с кумранскими положениями»; «различия между кумранской и раннехристианской общинами наблюдаются также и в ритуально-обрядовой сфере»¹.

5. *Заключительные замечания.* Итак, значение новой герменевтической традиции было столь велико, что она сыграла конституирующую роль в истории станов-

ления новозаветного канона и формировании христианского учения. Появившись в результате творческого синтеза нескольких культурных традиций (в первую очередь античной и древнееврейской), раннехристианская герменевтика отстаивала новые теоретические принципы научной интерпретации и основания христианского богословия как в борьбе с внешними по отношению к нему идеями, так и в рефлексии над собственными антиномиями.

---

¹ Амосин И. Д. Кумранская община. М., 1983. С. 219–222.